

Когда они вернулись к себе, небо уже слегка просветлело.

В окнах маленьких комнат, что располагались вокруг главной опочивальни, горел тусклый свет ночника, похоже, там не спали всю ночь.

Жун Тянь и Фэн Мин вошли во двор, из главной комнаты шурша выскочили Цю Лань, Цю Юэ и Цю Син, каждая из них с серьёзным выражением и выжидательно посмотрела на мужчин.

Фэн Мин догадался, что об их намерении встретиться с Сяо Цзуном девушки узнали от Ле-эра, и, глядя на служанок, покачал головой.

У девушек сердце оборвалось.

Ведь если господин Сяо не согласился жениться, то будет действительно не просто выпросить у госпожи Яое противоядие.

Широким шагом в комнату вошёл Жун Тянь и, позволив близняшкам снять с себя верхнюю одежду, приглушённо спросил:

— Знает ли кто-нибудь ещё про это дело?

Цю Юэ осторожно заговорила:

— Как мы могли осмелиться и рассказать посторонним? Ваши три служанки знают, а Жун Ху и Ле-эр не проболтаются.

Жун Тянь, угукнув, опустил голову в глубоком раздумье.

Цю Лань, вздохнув, отправилась с Фэн Мином в комнату, чтобы помочь ему переодеться, и по неосторожности проронила слезу. Князь утешающе проговорил:

— Не волнуйся, Жун Тянь сказал, что этот яд не такой опасный, как маньшэ, нужно лишь не прикасаться к телу любимому, и тогда никто не умрёт.

Но Цю Лань, закусив нижнюю губу, разрыдалась ещё сильнее.

Больше всего боясь слёз служанок, князь тотчас же поднял руки, сдаваясь:

— Не плачь, не плачь! Хочешь, чтобы и я тоже разрыдался?

Девушка лишь замотала головой и, смахнув слёзы с глаз, проговорила:

— Никчёмный Жун Ху, ненавижу его. Его Величество доверяет ему и отправил князю Мину в качестве охраны, а он... какой из него защитник? Видеть его больше не желаю.

На этот раз Жун Ху ответит за всё...

Фэн Мин горько усмехнулся:

— А какая связь между Жун Ху и тем, что произошло? Никто же не думал, что из-за Мэй Цзи неожиданно возникнет проблема. Вот только она хотела помочь третьей принцессе, так как сучала по своему дому — государству Фаньцзя.

Прекратив плакать, Цю Лань опустила голову и помогла Фэн Мину переодеться, затем, встав на одно колено, девушка похлопала по ноге князя и тихо спросила:

— Князь Мин не выйдет повидаться с государем?

Услышав этот вопрос, Фэн Мин тут же изменился в лице. Его отважный облик внезапно сменился кислой миной, словно ему дали попробовать горькую тыкву:

— Как только увижу Жун Тяня, не сдержусь от желания прикоснуться к нему. Ах, раньше можно было спокойно это сделать и невольно почувствовать какое-то облегчение, а сейчас из-за этого проклятого яда, наоборот, постоянно терзает мысль ощутить его тепло. Едва оказавшись на небольшом расстоянии, не знаю, смогу ли вынести такое страдание...

Цю Лань испуганно проговорила:

— Князю Мину во всяком случае нужно сдерживаться, по слухам, эта госпожа Яое изумительна в искусстве отравления, а из-за этой «крови возлюбленных» много влюблённых умерло, это не шутки.

— Это я знаю... — кивнул Фэн Мин.

— Тогда как поступите?

— А как ещё поступить?! Придумаю способ заставить учителя Сяо жениться на госпоже Яое.

— Заставите? — Цю Лань слышала про репутацию Сяо Цзуна, потому округлила сияющие глаза. — Каким образом заставите?

Этот вопрос вновь вызвал головную боль, а сам князь, почёсывая затылок, сказал:

— Сейчас в голове такой бардак, мне нужно немного поспать, только потом подумаю.

Цю Лань тоже одобрила:

— Вечер выдался тяжёлым, поэтому действительно необходимо поспать, здоровье князя Мина всё ещё слабое.

Дверь внезапно открылась, и две одинаковые мордашки высунулись из-за неё.

— Где государь? — прервав себя, спросила Цю Лань, поднявшись на ноги.

— Государь поменял верхнюю одежду и сказал, что хочет прогуляться и немного подумать. — Цю Юэ вошла в комнату. — Его Величество сказал, что князь Мин только начал идти на поправку и ему нельзя утомляться, потому мы пришли поухаживать за ним.

Цю Син также, кивнув, доложила:

— Государь приказал князю Мину поспать до полудня, только потом вставать.

Близняшки шустро устремились к постели, где расстелили белоснежно-мягкую и изысканную простынь. Цю Лань же, принеся большую и очень мягкую подушку-валик, положила на изголовье кровати, после чего принесла ватное одеяло, позволяя князю с кислой миной залезть на приготовленное ложе.

Закрыв глаза, Фэн Мин только и думал о голове Цин Дина, ещё о Бо Лине, третьей принцессе Фаньцзя и других людях, среди которых появился неясный женский силуэт, кажется, госпожи Яое.

В конце концов, каким же способом уговорить этого знаменитого и крайне упрямого Сяо Цзуна жениться на женщине, которую он когда-то бросил?

Цю Син, следуя указаниям Жун Тяня, уже подлила в чай снотворное. Фэн Мин хоть и был сыт по горло заботой, но в итоге всё же, казалось, заснул.

Как только солнце коснулось середины небосвода, Фэн Мин открыл глаза и тотчас же зашумел:

— Жун Тянь! Жун Тянь, где ты?

Цю Лань, которая как всегда спала у изголовья, услышав голос князя, проснулась и потёрла

глаза:

— Князь Мин уже проснулся? Государь ещё не вернулся.

— Ещё не вернулся? — Фэн Мин отбросил одеяло и, поднявшись с кровати, схватил одежду, накинул на себя и спешно проговорил: — Скорее найдите его. Ха? Здесь только ты одна, а где Цю Юэ и Цю Син?

И так как древние аристократические наряды были крайне сложны и до сих пор непонятны для князя, Цю Лань подошла, тщательно помогла ему принарядиться, говоря:

— Цю Юэ пошла заботиться о Цай Цяне. Цю Син же ушла, поссорившись с Ле-эром. А зачем князь Мин срочно хочет отыскать государя?

Фэн Мин сейчас был взволнован и, не сдержавшись, захохотал:

— Недаром говорят, то, о чем думаешь днём, снится ночью: я как раз думал, как заставить Сяо Цзуна жениться на госпоже Яое, и внезапно мне приснилось, что Сяо Цзун жалостно просит у меня что-то и готов согласиться на всё, что ни попрошу.

Но не успела Цю Лань расспросить обо всём поподробнее, как шторка внезапно поднялась, впуская человека в комнату.

Фэн Мин поднял голову, и его глаза засветились от счастья:

— Жун Тянь, я наконец-то придумал.

— Я тоже придумал.

Двое мужчин одновременно выпалили эти слова, после чего также одновременно обомлели. Обменявшись с Жун Тянем растерянными взглядами, князь проговорил:

— Ну и что ты придумал?

Прежде чем ответить на вопрос Фэн Мина, молодой мужчина обернулся к Цю Лань, приказывая:

— Покинь нас.

Девушка вышла, и когда в комнате остались лишь князь и он, Жун Тянь только тогда прошёл и, неохотно застыв в трёх шагах напротив князя, прошептал:

— Я придумал: нужно приказать слугам сделать мне из бараньей кожи уплотнённые перчатки и верхнюю одежду, похожую на моё тело, ещё и маску. Скрыв кожу, мы всё-таки сможем трогать друг друга, когда захотим.

Не считая, что данный способ правильный, князь с издёвкой проговорил:

— Император Силэй деградировал, ах, поразмыслив ночь, неожиданно додумался до такой простой вещи.

— Конечно же это не так просто, самое важное — это... — Жун Тянь снова несколько понизил тон, — использовать бараньи кишки и сделать своеобразный чехол для нижней части, тогда этот император всё же сможет каждую ночь любить князя Мина до боли в пояснице.

Фэн Мин не ожидал, что Жун Тянь додумается до такого, и, широко раскрыв рот, после долгого времени запинаясь ответил:

— Т-ты... ты... ты думал всю ночь и в итоге... неожиданно... неожиданно... придумал презерватив?

— А? Презерватив? — Жун Тянь поморщил выдающиеся брови. — Даже название нашлось, неужели ты уже давно его придумал?

Фэн Мин закатил глаза:

— У этого князя Мина нет времени придумывать подобные вещи, эту штуку только развратники могут придумать.

— Тогда что ты придумал?

Стоило упомянуть это, как князь тотчас же выдал, не в состоянии утаить самодовольства:

— Я придумал один способ, который заставит Сяо Цзуна сотрудничать с нами.

Жун Тянь смерил Фэн Мина взглядом и приглушённо спросил:

— Какой способ?

— Я решил, — и тут Фэн Мин вздохнул глубоко и полным воодушевления голосом громко выдал, — стащить у учителя Сяо его драгоценное сокровище, крайне драгоценный меч!

Во всех уся-новеллах постоянно говорится, что жизнь мастера меча — это его оружие.

— Ну, что думаешь? — спросил Фэн Мин.

На лице Жун Тяня застыло странное выражение, если бы не яд в нём, молодой мужчина, не сдержавшись, разразился бы смехом, но покачал головой, со вздохом говоря:

— Было бы лучше, не будь во мне «крови возлюбленных».

Князь не понимал, из-за чего мужчина беспричинно и тяжело вздохнул, но не успел ещё отреагировать, как Жун Тянь продолжил, смеясь:

— Иначе, полагаясь на твой грубый метод, я сейчас же сдёрнул бы с тебя штаны и как следует отшлёпал твою голую маленькую задницу. — Однако заметив недовольно-очаровательную мордашку Фэн Мина, Жун Тянь вновь залюбовался, но в то же время разозлился и, сдёрнув с кровати покрывало, через ткань взял руку князя, и, сжав её, уселся рядом. — Не только Сяо Цзун — мастер меча, его приближённая охрана также хорошо владеет мечом, у тебя есть тот, кто способен обворовать учителя? К тому же господин Сяо отточил свои навыки настолько, что теперь не привязан к своему мечу, для него нет никакой разницы, какой именно меч в его руках — остро наточенный или ржавый.

Услышав объяснения Жун Тяня, Фэн Мин очень разочаровался, на его мордочке почти появилась печальная безнадежность, а сам князь, пожав плечами, очень хмуро проговорил:

— Тогда как быть? Одна готова выйти замуж, другой, хоть убей, не хочет этого; они, муж и жена, устроили раздор, так зачем вовлекать в это нас? Жун Тянь, я очень скучаю по тебе, прошу, обними меня... — несчастный взгляд бездонных глаз упал на императора Силэй.

От голоса, похожего на писк маленького зверька, сердце, смягчившись, замерло в груди. Должно быть, человек, создавший «кровь возлюбленных», очень сильно ненавидел влюблённых и поломал голову, позволяя им испытать вкус расстояния, словно влюблённые были друг к другу близко, а на самом деле так далеко, как до края неба [1]. Тоска выматывала влюблённые сердца, так не должно продолжаться, не говоря уже о Фэн Мине, который, в свою очередь, уже готов был потерять рассудок.

— Хорошо, я обниму тебя. — Взяв с кровати тонкое одеяло, мужчина обмотал им Фэн Мина и обхватил двумя руками, крепко обнимая феникса. Хоть молодой мужчина мог смутно почувствовать изгибы тела и его очертания, но всё же это не шло ни в какое сравнение с теми прикосновениями, что были раньше, когда можно было спокойно прикоснуться к мягкой коже; при мысли об этом сердечный зуд становился крайне невыносим.

С тяжёлым сердцем император Силэй притянул к груди укутанного князя, который послушно сидел, сжавшись в одеяле, словно в так называемом «домике».

Двое возлюбленных, стараясь завоевать всю Поднебесную и при этом разделяя между собой любые невзгоды, уже тогда прошли через многие испытания [2], которые выпали на их долю.

Однако у них и в мыслях не было, что настанет такой момент, когда разделённые одеялом объятия наполнят сердца болью, но слова, которые готовы были сорваться с кончика языка, так и остались невысказанными, лишь ощущался момент медово-сладкого спокойствия, в то же время дарящий горькое послевкусие.

Спустя долгое время Его Величество осознал, что Фэн Мин не подаёт голоса, и, больше всего боясь, что князь мог задохнуться, с сожалением проговорил:

— Я что, так сильно обнял тебя? Фэн Мин? — Жун Тянь поспешил ослабить объятия и, держа в руках тонкое одеяло, осторожно высвободил голову князя. — Почему молчишь?

Внимательно посмотрев, Жун Тянь заметил, что глаза Фэн Мина ярко-красные, а щёки были немного влажными. Князь же, заметив, с каким беспокойством на него смотрит император Силэй, смущённо отвернулся и, небрежно смахнув рукавом слёзы, с деланной улыбкой сказал:

— Действительно, потерял лицо и неожиданно разревелся.

Жун Тянь, сжав тонкие губы, приглушённо ответил:

— Не переживай, я обязательно решу этот вопрос. Помнишь, как ты учил меня: на свете абсолютно безвыходных положений не бывает, правильно?

— Я не переживаю. — Вытерев насухо лицо, князь повернулся, немного смутившись. — Не знаю, как это могло произойти, но только, когда ты меня обнял, стало так радостно на душе, что не смог удержаться и тотчас же расплакался. — Внезапно вспомнив кое-какое дело, князь обнажил строгость и поспешил предупредить: — Об этом никому-никому нельзя говорить, иначе Цю Лань, Цю Юэ, да ещё и Ле-эр станут надо мной смеяться.

И как только слова сорвались с губ, дверная занавеска зашевелилась, и тотчас же высунулась мордочка Ле-эра.

От такого резкого появления Фэн Мин вздрогнул, да ещё посчитал, что Ле-эр до сих пор подслушивал у двери, и как раз забеспокоился, что на этот раз точно потерял лицо. Однако Ле-эр словно знать не знал о том, что произошло в этой комнате несколько минут назад. На лице не только не было ни капли ехидства, наоборот, телохранитель выглядел очень серьёзным и как только вошёл в комнату, тотчас же опустился на пол, докладывая Жун Тяню:

— Ваше Величество, приехала госпожа Яое.

Фэн Мин внезапно прыгнул с кровати:

— Она приехала? Зачем она здесь?

Ле-эр покачал головой:

— Ваш подчинённый не знает. Она лишь назвала своё имя и сказала, что хочет немедленно встретиться с Его Величеством.

Жун Тянь слегка нахмурился:

— Выяснил, чтобы твёрдо утверждать, что эта женщина — настоящая госпожа Яое?

Ле-эр, что-то подразумевая, мельком взглянул на Фэн Мина и ответил:

— Да как тут можно ошибиться?! Ведь её внешность точь-в-точь как у князя Мина. Ваше Величество встретится с ней?

Жун Тянь повернулся и посмотрел на Фэн Мина.

Сам же князь уже давно мечтал встретиться с этой женщиной, которая смогла безжалостно отравить собственного сына, однако сейчас узнав, что госпожа Яое рядом, волей-неволей забеспокоился.

В конце концов, если она выносила и родила это тело, так или иначе, стоило ли считать её кровной матерью?

Если бы на месте Фэн Мина был бы кто-нибудь другой, скажем Ань Хэ, то новость о матери не сильно взбудоражила бы его. Но вот для князя, который с детства являлся сиротой, словосочетание «кровная матушка» звучало крайне необычно [3].

Жун Тянь заметил, как Фэн Мин сначала посинел, а потом резко побледнел. Стоя в нерешительности, князь поднял взгляд, посмотрел на Жун Тяня, затем, нахмурившись, потупил взор. Прекрасно понимая, что сейчас любимый феникс сильно нервничает, Его Величество посоветовал ему:

— Лучше сначала позволь мне встретиться с ней?

Князь, ненадолго задумавшись, покачал головой:

— Всегда хотел с ней встретиться, так что идём вместе.

Жун Тянь решил напомнить ему:

— События тех лет сильно изменили госпожу Яое, сделав её абсолютно глухой к голосу разума.

Она хоть и является твоей родной матерью, однако совсем не понимает, что такое любовь между матерью и сыном, будь готов к этому.

В глазах Фэн Мина читалась грусть, однако сам князь выглядел весьма решительно. Кивнув, он сказал:

— Не беспокойся, я и не надеюсь, что она признает меня своим сыном.

И двое мужчин в сопровождении Ле-эра вышли из комнаты, вскоре они увидели перед собой двери гостиной, где должна была состояться судьбоносная встреча сына и матери.

Государь краем глаза посмотрел на любимого феникса, замечая, насколько бледен прекрасный князь и как лоб слабо мерцает, очевидно, что из-за крайнего волнения выступила испарина. Как назло, из-за отвратительного яда, что тёк в крови, нельзя было обнять и утешить несчастного феникса, при этой мысли время от времени боль охватывала душу.

— Госпожа Яое в гостиной, — отозвался Ле-эр, следуя за господами.

Откуда-то из галереи вышел Жун Ху и, подойдя к государю, приглушённо проговорил:

— Ваш подчинённый уже приказал солдатам окружить гостиную, стоит только государю сказать, мы непременно схватим эту женщину живьём.

Жун Тянь, кивнув, вновь сказал:

— У госпожи Яое особое положение, следует действовать мягче, без жестокости. Не стоит принуждать и прибегать к оружию.

— Этот подчинённый понял.

Подойдя к двери, Ле-эр и Жун Ху остановились, лишь Жун Тянь и князь Мин, перешагнув порог, прошли в комнату.

Как только они вошли, то первое, что бросилось им в глаза, — стройный и нежный силуэт. Лицо гостьи сложно было разглядеть, так как сама она стояла спиной к мужчинам и любовалась красочной цветной гравюрой, висевшей на стене гостиной.

Белый длинный халат подчёркивал похожие на облака иссиня-чёрные волосы, на голове красовалась простая деревянная шпилька. Вот только, несмотря на столь скромный наряд, женщина выглядела крайне очаровательно и соблазнительно.

Жун Тянь и Фэн Мин слегка изумились, увидев её.

Этот силуэт дарил безграничные мечты, создавая образ какой-нибудь богини. Как получилось, что эта женщина, та самая знаменитая дьяволица, приводящая людей в трепет?

— Ведь эту картину выбирал не сам государь Силэй?

Звонкий, похожий на журчание воды голос заструился, тревожа слух. Услышав его, мужчины остановились у двери и, смерив взглядом силуэт госпожи Яое, насторожись, действуя как можно аккуратнее.

— В этом месте живёт отшельница Мэй Цзи, этот государь приехал сюда лишь в качестве гостя. Здешняя мебель, картины — всё было выбрано Мэй Цзи. — Жун Тянь, двинувшись с места, подошёл к госпоже Яое и вместе с ней начал любоваться картиной, попутно говоря, сохраняя всё то же спокойствие: — Как госпожа догадалась?

— Цветы и травы на картине изображены с глубокой скорбью. Мэй Цзи? Хм... — И Госпожа Яое добавила, при этом в её голосе были слышны холод и равнодушие: — Тогда не удивительно. — Обернувшись, женщина перевела взгляд на Фэн Мина: — Ты всё такой же бесполезный, даже высохшей головы испугался, так и не осмелившись открыть тот короб. К счастью, твой любовник оказался намного храбрее тебя. «Кровь возлюбленных» такой яд, что всё равно — тебе или ему.

Двое мужчин наконец-то увидели её в истинном свете [4], хоть они и были готовы к чему-то подобному, однако всё же немного изумились.

Более того, если бы не стоящий рядом Фэн Мин, то император Силэй почти обознался бы.

Эта внешность: глаза, брови, очаровательный вздёрнутый нос, тонкие губы, даже выражение лица, когда она говорила, — всё напоминало князя как две капли воды.

Неудивительно, почему Ле-эр сказал, что госпожа Яое — мать князя Мина.

Жун Тянь изумился, однако стоило ему услышать безжалостные слова в сторону любимого феникса, как сердце вспыхнуло ненавистью к этой женщине.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: никак не сойтись.

[2] «Ветер и иней, дождь и снег», обр.: пройти через многие испытания; пройти огонь, воду и медные трубы.

[3] В оригинале фраза звучит как «необычное звучание, необычный голос», обр. в знач.:

выдающийся, незаурядный, необычный, исключительный.

[4] В оригинале фраза звучит как «истинный вид гор Лушань», обр. в знач.: действительное положение вещей; предмет в истинном свете.

<http://bllate.org/book/13377/1190174>